

Силиконовая МОСКВА

МАША
ЦАРЕВА

«СИЛИКОН СТАЛ МОЕЙ
РЕЛИГИЕЙ. ДВЕ БОЛЬШИЕ,
НЕПОДВЛАСТНЫЕ ЗАКОНУ
ТЯГОТЕНИЯ, НАГЛЫЕ,
УПРУГИЕ, МОЛОДЫЕ,
ЗАДОРНЫЕ ГРУДИ БЫЛИ
МОИМ ФЕТИШЕМ, МОИМ
ЯЗЫЧЕСКИМ БОЖЕСТВОМ».

«ЧУЖИЕ СЛЕЗЫ ТЯЖЕЛЕЕ
КАМНЕЙ... КАК ИЗМЕНИЛАСЬ
ИХ ЖИЗНЬ, СТАЛИ ОНИ ХОТЬ
НА МИЛЛИГРАММ БОЛЕЕ
ПРИНЦЕССАМИ, НЕУЖЕЛИ
СИЛИКОН - ЭТО И ПРАВДА
ВОЛШЕБНЫЙ ТАЛИСМАН
СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА?»

«ВЫ И ПРАВДА ДУМАЕТЕ,
ЧТО С НОВОЙ ГРУДЬЮ
Я БУДУ СЧАСТЛИВОЙ?»

Маша Царева

Москва силиконовая

«ЭКСМО»

2008

Царева М.

Москва силиконовая / М. Царева — «Эксмо», 2008

Новый роман Маши Царевой – многоярусная городская история в стиле фильмов Вуди Аллена. Главная героиня, нежная, умная, взрослая, немного циничная, немного Амели, вынуждена устроиться в фирму, торгующую силиконовыми имплантатами. Ее и возмущает и забавляет тот факт, что современные московские красавицы предпочитают превращаться в киборгов, но она вынуждена пропагандировать неестественную красоту, ведь с каждого проданного имплантата ей полагается хороший процент. Сможет ли она остаться собою в мире обмана и растиражированных фальшивок?

© Царева М., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Маша Царева

Москва силиконовая

* * *

Перед дверью с табличкой «Кризисный центр для женщин, переживших домашнее насилие» я ненадолго остановилась. Глубоко вдохнула, примерила на лицо улыбку, как иные примеряют наряд, решая, не чересчур ли он вульгарен для предстоящего раута. Моя улыбка не должна быть слишком самоуверенной и бодрой, в ее алхимическом составе не должно оказаться ни одной микродозы снисходительности или гордыни. В меру сочувственная, в меру лукавая – все же я была не только спасителем заблудших душ, но и отчасти демоном-искусителем. Мудрая, добрая, приглашающая (здесь тоже стоит обратить внимание на оттенки и полутона – то должен быть не наглый призыв с алым бордельным фонарем над распахнутой дверцей, но пассивная готовность протянуть руку помощи). Я должна была излучать уверенность, спокойствие, тихое крепкое счастье. Ну и, разумеется, sex appeal – это в моей миссии самое главное.

Сунув руку в сумочку, я нащупала предмет, который в течение следующих сорока минут буду демонстрировать собравшимся женщинам. Небольшой мешочек из тугого полиэтилена, наполненный вязкой желеобразной субстанцией. Приятный на ощупь, мягкий, теплый. Наверное, большинство решило бы, что это массажная подушечка или дамский тренажер для пальцев. Но на самом деле это силиконовый грудной имплантат. Объем – 330 мл, самый популярный размер. Имплантат нового поколения, оболочка разработана в лабораториях НАСА, она прочная, но мягкая, и тактильно искусственная грудь будет неотличима от настоящей.

«Пусть это будет вашим маленьким секретом, – скажу я, а потом, секунду подумав, добавлю: – Вернее, двумя большими секретами». И они рассмеются. Они всегда смеются в этом месте, да и сама я считаю эту выдаваемую за экспромт шутку вполне удачной.

Я продаю счастье.

Я продаю наркотики, можно сказать и так. Наркотики нового поколения – для женщин only. О нет, это не корпоративный пафос хорошего менеджера, я и правда знаю, о чем говорю. Я сотни раз видела, как это бывает.

Депрессивные маньячки с суицидальными наклонностями, старые девы в кризисе самоидентификации, разочаровавшиеся в жизни интеллектуалки, давно поставившие крест на собственной чувственности. Все они преображались на глазах, нащупывали в себе внутреннюю Диту фон Тиз и вдруг замирали на месте, огорошенные пониманием, что все на свете шелуха и бред, кроме ямочек на щеках, легкомысленных тупель и запаха черемухи поздней весной.

Мысленно сосчитав до десяти, чтобы успокоить дыхание, я толкнула дверь и энергичной походкой успешного, уверенного в себе человека вошла в комнату.

Их было десять – женщин, которые ждали меня, рассевшись в круг на устланном мягкими циновками полу. Кризисным центром заправляла моя приятельница, слегка сдвинувшаяся на почве эзотерики, она считала, что чем расслабленней поза, тем более защищенным себя чувствуешь. В центре не было ни одного стула. Зная об этом заранее, я предпочла джинсы и простую белую футболку, а не один из своих сшитых в дорогом ателье костюмов, безупречно сидящих, тонко намекающих на мой социальный статус и – что немаловажно! – визуально увеличивающих грудь. Потому что сама я так и не решилась на имплантаты, за что регулярно огребаю начальственные выговоры. Сапожник без сапог. Защитник теории о том, что большая

задорно торчащая грудь и женское счастье – это абсолютные синонимы. А у самой природный первый размер, вероломно спрятанный в лифчике с двойным поролоном.

Их было десять, и при удачном стечении обстоятельств как минимум трое из них вдохновятся моей пылкой речью и решатся на операцию. С продажи каждой пары имплантатов я получаю пятнадцать процентов. За одно такое собрание я могу заработать больше, чем иные получают за месяц офисной пахоты. Если повезет.

Кто-то смотрел на меня с живым интересом, кто-то равнодушно ждал, когда же закончится эта тягомотина, кто-то рассеянно проглядывал брошюру, которые я им раздала. В брошюре были лаконичные общие сведения о силиконовых имплантатах Luxis и подробные истории женщин, чья жизнь изменилась после операции. Кто-то из них нашел работу и теперь гордо смотрит на мир сквозь тонированное стекло новенького «Лексуса», кто-то познакомился с клоном Бреда Пита и не вылезает из постели, кто-то просто влюбился в себя и научился жить с этим чувством. Над брошюрой работала группа высокооплачиваемых психологов, и там были социальные приманки на любой вкус.

– Вас приветствует фирма Luxis и я, Дарья Дронова, можно просто Даша, – тепло улыбнулась я всем одновременно, – и сегодня мы с вами поговорим о счастье. И о том, как его обрести... Для начала я покажу вам одну фотографию. – Я извлекла из сумки снимок серой мышки с неправильным прикусом, слишком субтильным телом, картофелевидным носом и тусклыми волосами. Ничего особенного, обычная девчонка из провинциального городка. Выдержав эффектную паузу, я с лукавой улыбкой объявила: – Это Памела Андерсен. До пластических операций.

Они загалдели, зашущукались. Это как раз то, что мне нужно – живая реакция.

Моя многократно отрепетированная речь была плавной и беглой, как равнинная река, в которой изредка встречались белопенные пороги интеллигентного юморка. Я говорила о том, что современные силиконовые имплантаты абсолютно безопасны для здоровья. То, что они якобы взрываются в самолетах или провоцируют онкологические заболевания – бред, глупые байки, беспочвенные страшные истории. Оболочка имплантата так прочна, что может выдерживать несколько сотен килограммов. В этом моменте я бросила имплантат на пол и попросила самую полную из присутствовавших женщин на нем потоптаться.

Постепенно они оттаяли, заинтересовались. И даже у тех, кто никогда в жизни и не мыслил об увеличении груди, заблестели глаза. Они задавали вопросы. Одна женщина – остроносая миниатюрная блондинка, больше похожая на легкомысленную старшеклассницу, а не на жертву домашнего насилия, подняла майку и продемонстрировала свою небольшую, но прекрасной формы молодую задорную грудь.

– Как вы думаете, а мне это пойдет? – спросила она.

Будь я ее матерью, убила бы даже за мысли о силиконе, с ее-то точеной фигуркой.

Но я не ее мать, я – менеджер фирмы, производящей имплантаты. Поэтому совет мой был не материнским, а менеджерским:

– У вас идеальные данные, – просияла я. – Достаточно тканей для того, чтобы выбрать любой размер.

У одной из женщин было красное воспаленное лицо, все в липких язвах и волдырях. Я знала, что ее муж-алкоголик плеснул ей в лицо кипящий бульон, когда она спрятала его заначенную на опохмелку бутылку. Я знала, что консультировавший ее косметолог беспомощно развел руками и сказал, что после серии химических пилингов она будет выглядеть намного лучше, но белую ровную кожу с природным нежным румянцем ей не вернуть никогда. Разглядывая брошюру, та женщина задумчиво кусала губы и даже, кажется, на минуту забыла о саднящем лице.

– Скажите, а это действительно правда, что инстинктивно мужчины обращают внимание на фигуру женщины, а лицо – это второстепенно? – помявшись, спросила она.

– Тысячи мужчин и женщин будут доказывать вам обратное, – уверенно ответила я, – однако все дело в нашей животной природе, в гормональном коктейле, древних инстинктах, которые толкают навстречу одним людям и, казалось бы, беспричинно отворачивают от других.

– Значит, если я сделаю операцию...

– Ваша жизнь изменится, как изменилась жизнь сотен женщин, ранее чувствовавших себя несчастными и потерянными, – закончила я.

Глядя на эту женщину, на ее ошпаренное лицо, в ее глаза, в которых солнечным зайчиком мерцала надежда, я вдруг почувствовала себя циничной тварью. И ощутила подталкивающее в спину желание сбежать. Но быстро взяла себя в руки. Мне нельзя давать слабину. Мне нужны деньги.

Я сама беспомощно барахтаюсь на дне пропасти. Своего личного ада.

* * *

Это началось около года назад. Хотя мне иногда кажется, что не один жалкий год, а целая жизнь, целая эпоха прошла.

Тогда я не носила костюмов, не отбеливала зубы, чтобы улыбка смотрелась более убедительно, не любила общаться с посторонними, а тем более что-то им впаривать, презирала мещанскую слабость перед деньгами и желание пахать с девяти до семи ради того, чтобы носить вещи с престижными этикетками. Я была неохиппи – не в том смысле, что ходила босая, растрепанная, в цветастой рубаше и пила больше, чем Дженис Джоплин, нет, меня скорее можно было сравнить с Вивьен Ли, мне всегда нравилось копировать утонченный стиль голливудских див старого образца. Просто к миру в его материальном воплощении я относилась как к некой формальности, не придавала значения деньгам, обходилась малым, я была одним из тех живущих сегодняшним днем расслабленных гедонистов, которых практически невозможно встретить в современном мегаполисе.

Была ли я довольна своей жизнью? Хотела ли что-то изменить? Лелеяла ли амбициозные планы, смаковала ли смутные сны?

Глупости.

Мне было тридцать четыре года, и я крепко стояла на ногах, во всяком случае, для одинокой безработной женщины с невнятным лингвистическим образованием.

Зато у меня была квартира, почти в центре, на Бауманской. И – что, пожалуй, самое важное – меня невозможно было поймать на удочку потребительских соблазнов. Молодая привлекательная женщина, одна, в Москве, существует почти на грани прожиточного минимума и при этом чувствует себя счастливой – звучит смешно? Логотипы, тренды, бренды – вся эта чепуха плыла мимо, иногда цепляя взгляд глянцевого страничкой американского Vogue, который я порой покупала ради красивых фотографий. Платья я шила сама – еще подростком освоила выкройки из «Бурды», потом начала чувствовать фасон. Вдохновлялась все тем же Vogue и «Обзором» – журналом для профессиональных модельеров, который иногда присылала мне калифорнийская интернет-подруга. Все мои туфли были Голди Хоун мира обуви – в смысле так же выносливы к старости. Немногочисленные драгоценности достались от бабушки. Зимой я носила норковый жакет, перешитый из старой маминой шубы. Питалась просто и без изысков – крупы, овощи, дешевое красное вино. Качественный (а главное, бесплатный) досуг мне обеспечивали знакомые журналисты.

В общем, я умудрялась производить впечатление искушенной (и даже изысканной) молодой особы, при этом не тратя вообще ничего.

Я принадлежу к редкой в наше время породе женщин, которую моя подруга Маргарита называет «девочковая девочка». Никогда не носила брюк, колготкам предпочитала чулки с подвязками, пользовалась сладкими духами, вдевала в уши старинные брильянтовые капли.

Мужчинам я нравилась.

Только вот всегда выбирала тех, кто в итоге делал меня несчастной, чтобы прочувствовать весь спектр эмоций – от оргазмически подрагивающих крыльев за спиной до сосущей черной дыры в районе солнечного сплетения. Я любила мужчин, которые умели заставить меня плакать – от счастья ли, от глухой ли боли (впрочем, это были одни и те же мужчины).

Я любила интеллектуалов с замашками отмороzków, стареющих стервецов, немногословных божественных алкоголиков с придурью, моральных садомазохистов, сумасшедших экстремалов с ветром в глазах. На дух не переносила самоуверенных яппи в рубашках с накрахмаленными воротничками, болтливых менеджеров среднего звена, покупающих ролики и чопперы, чтобы противостоять кризису среднего возраста и ранней импотенции, вызванной хроническим переутомлением; карьеристов, бытовых клоунов, мужчин, живущих по схеме «футбол – пиво – бабы».

Мне было семнадцать, когда мои родители решили сменить бетонную коробку перестроенной Москвы на ветреные равнины солнечной Флориды. Друг отца работал водителем такси в Майами. И в его интерпретации жизнь у океана за 100 долларов в неделю была раем на земле с доступными силиконовыми красотками, свежими соками из фруктов, названия которых ни о чем не говорили, но приятно ласкали слух, красными закатами, белыми льняными штанами, запахом йода и соли, пиццериями на набережной и блаженным ощущением защищенности.

Как и большинство эмигрантов, которые в своей стране были хроническими неудачниками, он быстро стал зомбированным американофилом. Мог часами разглагольствовать об американской мечте и американских возможностях, уже через полгода проживания в раю привнес в привычный ток русской речи плавный заморский акцент, чужеродные междометья и восклицания вроде: «What a fucking shit!»

В то время я как раз только поступила на филфак МГУ, романо-германское отделение. В силиконово-фруктовом раю я не видела применения своей ленной задумчивости, тяге к медитативному ничегонеделанью. Только в шулерской Москве, по которой уже всюду гуляли сквозняки перемен, можно было делать деньги из воздуха, только здесь любой гедонист без амбиций мог выживать, не выпрыгивая из штанов в тщетной попытке соответствовать надуманным стандартам.

Ни уговоры, ни угрозы усыпить меня морфином и перевезти за океан во сне, ни слезы, ни обещания *dolce vita* на другом континенте на меня не действовали. Родители уехали, а я осталась.

А через три года у них родилась дочь. Моя сестра. Девочка, которой дали американское имя Челси, чтобы ей было проще выживать *там*. Мне прислали снимки счастливо улыбающейся сильно растолстевшей мамы, которая держала на руках крошечного человечка с обезьяньим морщинистым личиком и редкими темными волосами.

Прошло пять лет. Я покончила с изрядно надоевшим университетским мирком и гордо перешагнула в большой мир, которому, естественно, абсолютно не было дела до таких, как я.

Я устроилась работать секретарем в итальянскую компанию, торгующую нижним бельем. Все же помимо патологической лени и нежелания просиживать целыми днями в офисе в моих активах было два иностранных языка и продвинутое владение компьютером. Тем не менее этого оказалось недостаточно. Выяснилось, что идеальная секретарша девяностых подобна латексной кукле для сексуальных утех.

Пробовала найти себе применение в торговле – подруга устроила меня в один из первых появившихся в Москве цветочных бутиков. Тогда еще никто не знал о профессии флориста,

никому не пришло бы в голову, что для составления праздничных букетов надо нанимать человека со специальным образованием, а не просто симпатичную девушку с хорошим вкусом. Я комбинировала розы с ирисами, добавляла несколько веточек декоративного укропа, оборачивала эту конструкцию несколькими слоями нежно-розовой папиросной бумаги – и вуаля! – перед вами дизайнерский букет втрое дороже обычного. Это была идеальная работа – покупателей мало, и целыми днями я сидела в Интернете и читала книги. Все было бы хорошо, если бы бутик не разорился до того, как я успела заработать свои первые сто долларов.

Я пробовала работать бебиситтером – не выдержала и недели. Никогда не могла бы подумать, что чужие дети могут так раздражать в самых невинных проявлениях.

Пробовала писать рекламные слоганы (за них платили копейки – потом, правда, я разобралась, что львиную долю забирает владелец фирмы), устроилась букером в модельное агентство (до меня быстро дошло, что это завуалированный публичный дом), писала социальные статьи в газеты (платили неплохо, но крайне нерегулярно). Дала объявление о пошиве модной одежды, клиенты набежали как по мановению волшебной палочки – с чувством стиля у меня проблем не было. Это был тяжелый, пусть и благодарный, труд. За несколько месяцев я поняла, что зрение начало садиться, а спину ломит так сильно, что все заработанные шитьем деньги придется потратить на хорошего мануального терапевта.

Однажды где-то на просторах Интернета я наткнулась на сайт, посвященный любительскому мыловарению. Оказывается, существовали целые сообщества людей, варивших мыло в душевной тесноте собственных кухонек. И что это было за мыло – разноцветное, душистое, похожее на деликатесное пирожное! Попробовала от скуки – купила мыльную основу, набор ароматических масел, кокосовую стружку, твердый швейцарский шоколад. И неожиданно мои руки вылепили чудо – мыльный брусок благоухал так приятно и сладко, что даже у меня, не по-женски равнодушной к десертам, потекли слюнки.

Я сама сделала сайт. На главной странице разместила обращение к покупательницам: «Я знаю, вы сидите на диете, как и я сама. Но это не значит, что вы должны лишиться десерта и вашу кожу!» У меня появились первые покупатели. Постепенно мой маленький бизнес набирал обороты, и мыло мне начали заказывать несколько бутиков авторских подарков. Нет, я не купалась в деньгах, это были все те же, по московским меркам, жалкие крохи. Но мне удалось найти компромисс, научиться выживать в городе. Мыловарение не отнимало много времени. Да и потом, замешивать в ароматно бурлящую массу шоколадную стружку нравилось мне куда больше, чем томиться от скуки и тоски в кондиционированном пространстве какого-нибудь никчемного офиса.

* * *

В то время у меня был любовник по имени Федор, и, кажется, впервые за много лет мой роман хоть немного напоминал нормальные человеческие отношения. То есть до мещанских семейных идеалов с горячими блинами по субботам и хрустальными ангелами на новогодней елке нам было далеко, но по крайней мере Федор этот не был ни алкоголиком, ни психом, ни альфонсом, ни даже латентным маньяком – этот типаж встречался в веренице моих любовных приключений особенно часто. А был он владельцем небольшого винного магазина, где мы, собственно, когда-то и познакомились. Я пришла за своим любимым калифорнийским вином – терпким, оставляющим сладковатое земляничное послевкусие и, самое главное, дешевым. А Федор решительно отобрал у меня выбранную бутылку, экспрессивно отчитав за дурной вкус. «Можно экономить на чем угодно, – сказал он, – но вино должно быть выдержанным. Потому что вино – это сама жизнь». Уж не знаю, как он на такое отважился – то ли в тот вечер у него было куражное настроение, то ли миниатюрные брюнетки моего типа сводили его с ума.

Потому что, я узнала это позже, Федор был скромным и неразговорчивым, и куража в нем было не больше, чем в тарелке манной каши.

Он подарил мне бутылку французского вина – если сложить вместе все те жалкие суммы, которые я за всю жизнь потратила на спиртное, то мне все равно не хватило бы на ту одну-единственную бутылку. Я нацарапала на обратной стороне его визитной карточки номер своего мобильного. Федор мне понравился. Он был рослый, под два метра, но имел тонкую кость, из-за чего не производил впечатление человека-горы. Тонкие черты лица, бледная кожа, карие умные глаза, темно-русая челка свисает почти до ушей. Чем-то он был похож на молодого Абдулова.

Если составить мой личный рейтинг мужских профессий, оценивая их по степени сексуальности, то едва ли не на последнем месте оказались бы торгаши. Но у Фединога бизнеса был сумрачный рубиновый привкус дорогого вина, он был по-настоящему увлечен, он жил вином, он все знал о вине, летал на какие-то безумные конференции и дегустации.

* * *

Мы встречались четыре месяца. На протяжении одной весны и маленького кусочка зимней слякоти Федор звонил мне как минимум трижды в неделю. Мы встречались на Триумфальной площади (его магазинчик был в одном из тихих переулочков, которые сплели паутину вокруг Патриарших прудов), где-нибудь ужинали (как правило, ужинал он, а я, природная малоежка, наблюдала за процессом, потягивая коньяк, вино или какао), шли на выставку или премьеру к кому-нибудь из моих друзей, потом он отвозил меня домой, мы выпивали по бокалу привезенного им вина и под Леонарда Коэна или Нину Саймон занимались любовью, а потом он уходил, всегда уходил к себе. И ни разу за эти четыре месяца мне не захотелось, чтобы он остался, не захотелось спать с ним рядом. Да он и не пытался остаться – он жил почти напротив своего магазина и не хотел иметь дел с московскими утренними пробками.

Я знала о нем почти все – и сухие биографические факты, и романтично-эфемерные, более важные для близости: кем он хотел стать в детстве, и когда впервые влюбился, и какая книга заставила его плакать, и остался ли в его рациональной голове теневой уголок для какой-нибудь безумной и, скорее всего, несбыточной мечты? Я все это знала, но не чувствовала его родным. Он мне нравился, иногда я его желала, но ни одной минуты я не была в него влюблена. Мне нравилось слушать, как он рассказывает о вине, но я и на мгновение не могла представить, что за такими вот уютными вечерними разговорами пройдет моя жизнь до старости. Иногда я испытывала к нему нечто, напоминающее даже не нежность, а некое чувство на пределе нежности, но между нами не было и намека на страсть. И секс наш был, как и его саундтрек – чувственным, неторопливым, но не сумасшедшим. Не было у нас урагана, который черным смерчем срывает с домов крыши и стирает с земли города.

Я точно знала, что Федя видит во мне свое будущее. Мужчины его типа никогда не будут столько возиться с женщиной, если не прочтат ее себе в жены. Он уже давно закончил присматриваться и примериваться, он считал меня спокойной и милой, считал, что я буду хорошей матерью его будущего сына, что каждый вечер я буду встречать его, тихая, нарядная и с пирогами. Он пока не спешил с выбором кольца и красивыми формальностями, считал, наверное, что его образ уже настолько врос корнями в мое сердце, что нет смысла суетиться. А я не спешила его разочаровать, хотя это и было эгоистично, наверное, я просто соскучилась по спокойному счастью. Я знала, что это ненадолго, что скоро мне захочется в омут, что у нас с Федей нет общего будущего и что в итоге он, скорее всего, меня возненавидит.

Но пока мне было с ним рядом хорошо.

* * *

И вот однажды в мою исполненную тихого счастья размеренную жизнь ворвалось чудовище. Случилось это – до сих пор помню точную дату – второго мая. Весь день я развозила готовое мыло по парфюмерным бутикам. День выдался жарким и душным – непрошеное летнее марево бесцеремонно ворвалось в нежную весну, и к вечеру ноги мои опухли и неприятно гудели. Вернувшись домой, я приготовила для них прохладную ванночку с ментоловой мыльной пеной. Поставила диск с «Доказательством смерти» – люблю рассеянно слушать тарантиновские диалоги. Заварила цветочный чай. Впустила в комнату пахнущий сиренью теплый сквозняк. И приготовилась отжаться блаженному ленивому вечеру, так похожему на любой другой из моих вечеров. Но не успела Розарио Доусон натянуть ковбойские сапоги, как в дверь позвонили.

Я необщительная. Вернее, не совсем так, пожалуй, я слишком избирательна в общении. Не вижу смысла в поддержании отношений из вежливости, в многочасовом телефонном трепе ни о чем; в том, чтобы знать соседей по именам и обращаться к ним с просьбой одолжить стакан муки или соли. Не выношу панибратства и даже быстрого сближения – могу годами «принюхиваться» к людям, прежде чем подпустить их к себе. Зато те, кто все же оказывается на моей орбите, считают меня надежной и преданной.

В общем, назойливый звонок я пыталась списать на отсутствие соседской деликатности. В квартире напротив жила некая Людмила, бывшая алкоголичка, разбитная и рыжая. Она была моей ровесницей и почему-то считала, что раз даты в наших паспортах совпадают, значит, мы обязаны вместе проводить досуг, а именно снимать подвыпивших мужчин в подвальных барах, спаивать их дальше в полумраке Людкиной гостиной, и все ради порции скупой торопливой любви, за которой последуют похмельные утренние объятия, воняющее перегаром: «Ты была супер!» и зажатая в ладошке бумажка с телефонным номером, который наверняка окажется фальшивкой, потому что кто же будет заводить серьезные отношения в подвальном баре?

Я увеличила громкость, но дверной звонок не унимался.

На пороге стояла девушка, совсем молоденькая, едва ли ей было больше восемнадцати. Она была из тех людей, от которых хочется брезгливо отвернуться, даже если они вымыты и пахнут от них жасмином и мылом. Она была чисто одета и ярко крашена, но в самой ее ауре было что-то... нестерильное.

Она явно пыталась быть фам фаталь и слишком переигрывала. Волосы незнакомка красила в цвет воронова крыла, хотя, судя по персиковому оттенку румянца, была природной блондинкой. Ее светло-голубые, будто бы выгоревшие на солнце глаза были жирно обведены черным. В ноздре сверкал фальшивый брильянт. Ненавижу пирсинг на лице. Губная помада была черной. Интересно, есть на свете мужчины, которых возбуждают черные губы? Не считая малолетних неформалов с готическим уклоном?

На ней было нежное воздушное платье с декольте, которое выглядело бы вульгарно даже на Памеле Андерсен, пришедшей на вечеринку «Порнооскар». И грубые гриндерсы, хотя, насколько я что-то понимала в моде, стиль гранж отжил свое еще в конце девяностых и остался лишь в вызывающем сентиментальную улыбку клипе «I'm a bitch, I'm a lover» да в альбоме со школьными фотографиями.

Я не знала эту девушку. И даже не могла представить, что такой особе, как она, могло от меня понадобиться.

– Привет, – настороженно сказала девушка, рассматривая меня с таким выражением лица, которое появляется у посетителей Кунсткамеры, наткнувшихся на сосуд с заспиртованным трехговым младенцем.

– И дальше что? – нахмурилась я.

Она нервно облизнула губы – в розовой мякоти суетливого языка мелькнула круглая сережка.

– Вы... Ты... Ты ведь Даша?

Нехорошее предчувствие заставило меня свести брови к переносице. Она знает мое имя. Она не ошиблась дверью. Она не торговый представитель, втюхивающий доверчивым гражданам какую-нибудь бесполезную фигню. Она пришла именно ко мне, именно я нужна ей. Очень хотелось соврать, сказать, что Даша давно переехала и не оставила координат, и захлопнуть дверь прямо перед ее пирсингованным носом. Но это было бессмысленно, потому что лицо девицы прояснилось, она заулыбалась, порывисто шагнула вперед и предприняла неловкую попытку меня обнять (при этом я выставила вперед обе руки и брезгливо отстранилась).

– Ну... Ты что? Не узнала меня? Я твоя сестра. Челси.

И тут я испугалась по-настоящему. А девчонка, осмелев, прошмыгнула мимо меня в квартиру, плюхнулась на антикварный столик и принялась расшнуровывать свои жуткие массивные ботинки, дизайном напоминающие чугуны.

Когда я в последний раз видела Челси – вернее, фотографию Челси?

Кажется, на прошлый Новый год. От родителей пришла посылка – какая-то ерунда, упакованная в подарочную бумагу с елками и оленями. Шерстяные носки, которые я передарила приятельнице, шелковая блуза на три размера больше моего, духи, которые показались мне чересчур фруктовыми, и мыло: это был особенно трогательный жест – подарить мыло человеку, который зарабатывает на жизнь мыловарением. Было там и короткое письмо, к которому стиплером приколоты фотографию счастливого семейства – между постаревшими, не по-зимнему загорелыми родителями приютился бледнолицый блондинистый воробушек с бесцветными глазами, вздернутым носиком и хаотично разбросанными по лицу бурыми веснушками.

– Что ты так смотришь? Не узнала? Я не удивлена. Никто не узнавал, когда я волосы покрасила.

– Постой, постой, – я собралась с мыслями, – а что ты вообще тут делаешь?

Она удивленно на меня уставилась.

– Как, мама тебе разве не звонила?

– А что, должна была?

– Ну, значит, сегодня позвонит. У нас там такое творится... – она вздохнула. – Слишком долго объяснять. В общем, меня пока отправили жить к тебе. На неопределенный срок.

– Что значит... жить ко мне? – опешила я. – Ты, наверное, имеешь в виду, на каникулы? Ты вообще по-русски хорошо понимаешь?

– Как видишь, – усмехнулась Челси (если это вообще была она, а не дурацкий розыгрыш кого-то из моих посвященных в ситуацию друзей). – Дома мы только по-русски говорим... Понимаешь, Даша, маме сейчас вроде как не до меня. Думаешь, мне хотелось сюда переться? У меня там все – школа, друзья, любимый мужчина.

– Какой к черту любимый мужчина, тебе же всего четырнадцать!

– А может, я акселератка, – нагло улыбнулась девица. – Слушай, а что у тебя в холодильнике? Я адски голодна. В самолете предлагали какую-то тюремную баланду.

– Откуда ты знаешь, как выглядит тюремная баланда? – спросила я просто для того, чтобы заполнить паузу.

Ее лицо как-то странно изменилось: дернулась губа, на лбу появилась задумчивая складка. Но Челси быстро взяла себя в руки.

– Да какая разница. Главное, что ты вроде как моя старшая сестра. И я вижу, что ты мне не рада. Впрочем, и я хочу побыстрее убраться восвояси. А пока, уж будь добра, накорми ребенка, запусти его в душ и Расскажи, где в твоём районе можно найти рокерский бар, на худой конец панк-кафе. Мне необходимо расслабиться.

– Так, марш в ванную. – Я наконец взяла себя в руки. – На плите кастрюля с гречкой, можешь поесть. А потом посиди тихо в комнате. Мне необходимо с этим разобраться.

* * *

Я набрала номер родителей.

– Дашенька, все это так неожиданно... Понимаю, что ты совсем не рассчитывала, но... у нас такая ситуация... Надеюсь, все устаканится... – Мамин голос долетал до меня с опозданием.

– Да что там у вас случилось-то?!

– Твой отец сбил человека. Женщину, – мама всхлипнула.

– Что?!

– На машине. Было темно и туман, а ей вздумалось перейти дорогу. Она умерла на месте. Восемнадцать переломов. У нее осталось трое детей.

– Какой кошмар, – прошептала я.

– Этот старый дурак так и не научился соблюдать скоростной режим! – выкрикнула она. – Я сто раз предупреждала, что когда-нибудь все этим кончится!... Он в тюрьме. Ему дали восемь лет, – она тихо всхлипнула, – Даша, я просто тут умираю!

– Успокойся... – я не знала, что сказать, не могла найти слов, чтобы и правда ее успокоить, я слишком плохо знала собственную мать и слишком давно ее забыла, чтобы подобрать правильные слова.

– Пойми, мне ее не потянуть... Я понимаю, у тебя своя жизнь, планы... Но ты же знаешь, я не работаю, а у Челси платная школа, столько расходов. Мне одной не справиться. На пособие я и так буду еле-еле сводить концы с концами.

– Но я... Я тоже не работаю.

– Знаю. – Ее голос долетал до меня с опозданием. Невозможно было выяснять отношения в таком режиме. – Даша, все деньги я потратила на адвоката. Очень хорошего. Он уже подал апелляцию. И говорит, что, даже если не получится, мы имеем все основания рассчитывать на досрочное освобождение. Года через два.

– Два года?! – выдохнула я. – Ты хочешь сказать, что она должна жить у меня два года?!

– Почему у тебя? – Ее голос словно мгновенно покрылся тонкой корочкой льда. – Это и наша квартира тоже. А значит, в какой-то степени и квартира Челси. Даш, ну у меня просто другого выхода нет. Ты единственный родной человек Челси.

– Хорошо, что ты вспомнила об этом через четырнадцать лет, – не смогла удержаться я. – Очень удобно.

– Прекрати. Тебе предлагали поехать с нами... Даш, ну будь человеком... Она неприхотлива. Она тебя не обьест.

– Но ее надо куда-то устроить учиться, это такие деньги! Ей четырнадцать лет, самый проблемный возраст! Я с ней не справлюсь, я просто не умею обращаться с детьми!

– Ты привыкнешь. Это и тебя дисциплинирует. В конце концов, тебе тоже не помешает хоть раз в жизни найти нормальную работу, пожить как нормальный человек. Ты меня, Даша, пугаешь. Ты ведешь себя как семнадцатилетка, а ведь тебе тридцать четыре, пора повзрослеть.

Я набрала побольше воздуха, чтобы на одном дыхании выдать все, что я думаю о тех, кто бросает собственных детей, десятилетиями ими не интересуется, забывает поздравить с днем рождения, а на Новый год передаривает не пригодившуюся в хозяйстве чепуху, а потом имеет наглость давать непрошенные советы воспитательного характера, но... не успела.

– Ой, Даш, мне на мобильный звонит адвокат отца, я тебе перезвоню, – выпалила мама и отсоединилась.

А я уже потом подумала: ну какой к черту адвокат, во Флориде глубокая ночь, она просто хотела от меня отвязаться. Она, как всегда, спрятала голову в песок, сделала вид, что все нормально, что никакой проблемы нет, если нет моего возмущенного голоса в телефонной трубке.

Я сжала ладонями виски.

– Все нормально, Даш, – сказала Челси у меня за спиной. – Я тебя не напрягу. Мне даже необязательно идти учиться. Если ты будешь давать мне немного денег и скажешь, где я могу познакомиться с приличным парнем... То есть я вообще предпочитаю мужиков постарше... То я совру родителям, что ты пристроила меня в МГУ как юного вундеркинда.

Сжав кулаки, я обернулась.

Челси сидела на полу, скрестив босые ноги с чудовищно грязными пятками. В одной руке у нее был бокал с мерло, бутылку которого мы с Федором заначили для какой-нибудь особенной даты, в другой – наполовину истлевшая сигарета. Пепел падал на ковер, юную леди это нисколько не смущало.

– Послушай, – сказала она, кивком нечесаной головы указывая на фотографию Федора, которую я использовала вместо закладки для книг, – кто этот урод? Это какой-то ваш актер, да? Я всегда говорила, что современные русские актеры похожи на голубых. Слушай, Даш, а у тебя когда-нибудь был секс с голубым? Если нет, советую попробовать, они такие нежные! А если еще скормить ему виагры...

Я опустила на антикварный стул, бархатную обивку которого эта маленькая сволочь наверняка тоже со временем прожжет своими вонючими сигаретами, и закрыла лицо руками.

Добро пожаловать в ад, моя дорогая.

Welcome to hell.

* * *

Да, я ее сразу возненавидела. Свою собственную сестру. И она, разумеется, это поняла, кожей почувствовала: Челси могла быть кем угодно – безбашенной искательницей приключений на собственный зад, склонной к эпатажу матерщинницей, невоспитанной, жалкой, безвкусной – кем угодно, но только не душой. Я это быстро поняла. Пусть ее образование оставляло желать лучшего (свобода, которую предоставили ей в Майами родители, ни к чему хорошему в этом смысле не привела), у нее был живой ум и потрясающая, звериная интуиция. Может быть, в других обстоятельствах она бы мне и понравилась, вызывающие неформалы всегда казались мне трогательными, их почему-то хотелось опекать и нянчить, но... Только не она. Боюсь, если бы она даже была совсем другой, носила белые носочки, ела, оттопырив мизинчик, и нараспев читала Веру Павлову, это ничего бы не изменило. Мне было тошно в этом признаваться – но я ревновала и завидовала.

Родители. Никакой особой близости между нами никогда не наблюдалось, к моему воспитанию они относились так же наплевательски. И они действительно предлагали мне уехать с ними, я даже помню, как мы прощались в Шереметьево, и мама плакала... И я вовсе не чувствовала себя несчастной, оставшись в Москве, скорее наоборот, у меня началась новая жизнь, карнавальная университетская свистопляска, потом веселый морок богемной нищеты. Но все равно я так и не смогла отделаться от неуместного ненужного чувства, в самый неподходящий момент всплывающего из темных глубин подсознания – от меня отказались, меня бросили, я для них недостаточно хороша. Да, в Шереметьево мама плакала, но потом она прошла таможенный контроль, купила в дьюти-фри духи «Эскада», села в белоснежный авиалайнер, заказала стюардессе шампанского и, откинувшись в мягком кресле, принялась мечтать о лазурном океане, который ее ждал. А я села в заплыванный троллейбус и вернулась домой, расхлебывать свои рутинные дела. Первое время мы перезванивались по три раза в день, не экономя. Мама выспрашивала все подробности – как я сдала зачет и в кого влюблена, сдала ли кровь на сахар и

достаточно ли теплы мои зимние сапоги. Потом истерия разлуки сдулась, и многочасовой треп превратился в дежурный звонок раз в неделю. А когда родилась Челси, мы могли не созваниваться месяцами. Она была капризной и болезненной, маме было не до меня... Видимо, маме было и не по себе. Потеряв одну дочь, она с истерическим пылом взялась за вторую. А мне было немного обидно выслушивать восторженные монологи о первых успехах Челси – ее первом слове (разумеется, это было слово «мама», тогда как я впервые произнесла «банан»), о ее первом шаге, первой кукле и первом нарядном платье... К тому времени маме уже было наплевать, теплы ли мои сапоги и сдала ли я кровь на сахар. А я себя одергивала, мне было немного стыдно ловить себя на этом чувстве. Я была рано повзрослевшей девицей, самостоятельной, способной решить любую проблему, а тут вдруг такая стыдная слабость... Честно говоря, еще тогда, в редких телефонных разговорах, я пыталась мысленно занизить успехи сестры. Мама рассказывала, что Челси выиграла школьный конкурс красоты, а я, криво усмехнувшись, говорила себе: только полная идиотка согласилась бы участвовать в таком мероприятии. Мама рассказывала о первом мальчике Челси, который трогательно за ней ухаживал, дарил лилии и приглашал в кино, а я пожимала плечами: наверняка он тупой капитан команды регби, с квадратным подбородком, низким лбом и пустыми глазами, потенциальный герой бессмысленной американской комедии.

Я заранее ее недолюбливала, я знала, что мы не сможем поладить, когда Челси еще отрывала молоко на мамин домашний халат.

Маленькая сволочь это быстро просекла. И принялась плясать жизнерадостную джигу на самом болезненном из моих тайных комплексов.

– Не волнуйся, я надолго не задержусь. Мама души во мне не чает, – заявила она на второй день проживания в моей квартире. – Она долго без меня не выдержит. Каждый день мне на мобильный названивает.

Я угрюмо отмалчивалась, Челси вела невидимый счет в свою пользу.

– Она говорит, что ты на нее совсем не похожа, зато я...

– Я похожа на бабушку, у той тоже была тонкая кость, – не выдержала я, – а вы с мамой обе склонны к полноте.

Но маленькая мерзавка не обижалась, наоборот, радовалась. Как же, ей удалось вывести меня из себя, меня, взрослую, пытающуюся казаться спокойной!

– Да, мы фигуристые, – она поправляла бретельку пошлого красного бюстгальтера, из которого выглядывала спелая, давно созревшая грудь. – Пусть я независимая, но отношения с предками у меня хорошие. Иногда мы весь день проводим вместе, как попугаи-неразлучники. У нас с мамой даже одна парикмахерша и одна маникюрша.

– И все-таки эти попугаи сбавили тебя ко мне, – усмехнулась я. – Правда, боюсь, что на твои прически и маникюр денег у нас не хватит.

– Обойдусь, – презрительно пожимала покатыми белыми плечами она. – Я же совсем молоденькая, могу обойтись и без этой мишуры. Мое очарование в свежести. Это тридцатилетним, – в этом месте она выразительно смотрела на меня, – надо краситься и наряжаться, чтобы кого-то подцепить.

– Такими темпами ты подцепишь разве что сифилис, – безжалостно припечатала я.

Черт, ее невозможно было обидеть! Пуленепробиваемая девушка. А ведь ей всего четырнадцать. Я в ее возрасте могла искренне расстроиться, если вредная подруга говорила, что мне не идет прическа или платье. Неужели каждое следующее поколение намного циничнее предыдущего? Или это Челси просто такой уникум?

– Кстати, *мои* родители дают мне сто долларов в неделю. Карманные деньги. – Она невинно смотрела на меня из-под выкрашенной в черный цвет челки.

– Вранье. *Наши* родители столько не зарабатывают. Отец водит такси, а мама живет на пособие.

– И все равно ты обязана меня содержать, – Челси откровенно надо мной посмеивалась. – Я забыла туфли. И у меня скоро месячные, а прокладок нет. И мне нужен аспирин. И я привыкла принимать витамины. И пора к стоматологу.

С какой радостью я бы сказала «Обойдешься!», но вместо этого мне оставалось только скрежетать зубами от бессильной ярости. Малолетняя манипуляторша была права. Я могла сколько угодно ее презирать и ненавидеть, но то, что ее появление изменит мою жизнь, мягко говоря, не в лучшую сторону – факт.

Только вот как найти работу девушке, которая к тридцати четырем годам не нажила ни карьеры, ни эксклюзивных навыков, ни полезных знакомств?

* * *

Это свойственно большинству яппи нового московского формата. Иногда в сердце моего любовника Федора диковинным цветком распускалась необъяснимая тяга к прекрасному, а именно к ногам от подмышек, юным упругим грудям и струящимся длинным волосам.

– Обычно ты выводил меня в свет, милая. Но сегодня культурную программу обеспечиваю я, – с лукавым прищуром объявил он в тот вечер.

Я удивилась, если я испокон веков водила дружбу с безалаберными созидателями, сумасшедшими художниками, циничными журналистами, томными актерками и загадочными галеристами, то среди Фединых приятелей преобладали такие же солидные и скупые на творческие проявления бизнесмены, как он сам.

– Мы идем на вечеринку? – насторожилась я.

Единственная вечеринка, на которую он когда-либо меня взял с собою, оказалась скучнейшим корпоративным мероприятием, где разновозрастные дядьки в одинаковых дорогих костюмах закусывали водку осетриной и сначала важно рассуждали об акциях и фьючерсах, потом, утерев салфеткой вспотевшее лицо, пересказывали друг другу содержание последнего номера журнала «Мир джипов», а под конец, развязав галстуки, пели в караоке пугачевский «Айсберг» (и это было самое страшное). А их жены, холодные и прекрасные, доказывали друг другу, что украшения от Булгари круче, чем от Каррера и Каррера. Что пентхаус на Новом Арбате не в пример круче, чем четырехэтажный загородный дом на Осташковском шоссе. Что уехать на шопинг в Милан, пока твой благоверный совокупляется с первым составом какого-нибудь украинского модельного агентства, гораздо круче, чем отправиться в тихую альпийскую глубинку с самим благоверным и там две недели слушать разговоры о фьючерсах, читать ему вслух «Мир джипов», петь с ним в караоке «Айсберг», а потом выкупать его из полицейского участка. Я оказалась не у дел. Скучно сидела в углу и ела осетрину. Они быстро разобрались, что я птица не их полета. Не могу отличить Карреру от Булгари, не понимаю, зачем одной семье целых четыре этажа личного пространства. И даже ни разу не была ни в Альпах, ни в Милане.

Но Федор меня удивил. Выяснилось, что мы идем смотреть финал конкурса красоты «Мисс Тонкая Талия». В ночной клуб.

Сопротивлялась я недолго, несмотря на то что терпеть не могу и дутые конкурсы красоты с пошлыми названиями, и ночные клубы. И вообще громкая музыка вводит меня в ступор. А смотреть на ослепительно улыбающихся красоток в купальниках мне почему-то неудобно. Чувствую себя холодным зрителем на рабовладельческом рынке.

Но Федор так искренне расстроился, когда я попробовала намекнуть на головную боль, что я быстро сдала позиции.

В конечном счете все оказалось не так плохо, как я ожидала. Нам досталось место в VIP-отсеке, на балкончике, там хотя бы можно было спокойно поговорить. И вот пока Федор, разинув рот, смотрел на очередную претендентку на гордо звучащий титул, я рассказывала ему о свалившейся напасти. Вернее, пыталась рассказывать, его внимание было рассеянным.

– Она чудовище... У нее татуировка, представляешь? Я видела, когда она вышла из душа. Какие-то иероглифы, черт еще знает, что они обозначают. Татуировка в четырнадцать лет... И она все время говорит: fuck! У меня скоро разовьется аллергия на слово fuck. Как в плохом кино.

А на сцене тем временем рыженькая конкурсантка с хрупкими детскими ключицами и тяжелой бабьей грудью пыталась исполнить что-то вроде стриптиза. Получалось у нее неловко, видно было, что барышня стесняется и вообще не уверена, на кой ей сдался этот дурацкий конкурс. Нет зрелища более жалкого, чем любительский стриптиз. Но собравшимся мужчинам нравилось. Какие они все-таки наивные. Покажи им большую грудь, и мозги их тотчас же перейдут в желеобразное состояние. Мой Федор чуть ладоши не отбил, аплодируя.

– Федь, ты меня вообще слушаешь?

– Да-да, – нехотя отвернувшись от сцены, на которой уже появилась следующая конкурсантка, пышноволосяя брюнетка с циничным прищуром портовой путаны, он рассеянно на меня посмотрел.

– Она меня не слушается... Все время талдычит, что я должна помочь ей найти мужчину. Что у нее не было секса уже две недели, и это караул... А я в ее возрасте еще собирала гербарии и шила кукольные платья для соседских детей.

– Найти мужчину? – немного оживился он. В тот момент Федя выглядел как робот, услышавший кодовое слово. – А она хорошенькая?

– Ты чем слушаешь?! – разозлилась я. – Она – моя сестра. И ей четырнадцать. И теперь она живет в моей квартире. И я вынуждена ее содержать. Вот.

То ли брюнетистая конкурсантка была хуже рыжеволосой, то ли я наконец умудрилась донести до него мою мысль, но случилось чудо: его глаза осмысленно заблестели, и он даже сочувственно нахмурился.

– А нельзя отправить ее обратно в Майами? Тебе не кажется, что это наглость со стороны твоих родителей – столько лет делать вид, что тебя нет на свете, а потом повесить тебе на шею сестрицу в трудном возрасте?

– Кажется, – уныло вздохнула я. – Но этот вариант не рассматривается. И... маму жалко... В принципе я тут прикинула... Все не так уж плохо, хотя, конечно, и ничего хорошего. Мне надо устроить ее в школу, найти ей каких-то репетиторов. Чтобы хоть как-то контролировать ее время. Ну и еда. И одежда. И карманные расходы. Ее долбанные карманные расходы. Знаешь, подростки ведь любят ходить в кино. Жрать мороженое в кафе. Покупать журналы с постерами роковых идиоток вроде Кортни Лав. – Я сама не заметила, как завелась. – А игровые автоматы? Сын моей подруги за вечер проиграл четыреста баксов. Представляешь? Его привели домой два угрюмых шкафа кавказской наружности. Должок, говорят, за вашим сыном. И ведь пришлось отдать, пришлось! А еще косметика! Подростки любят разные баночки-скляночки даже больше, чем взрослые женщины. Во-первых, они еще наивны и искренне верят, что тубик туши сделает их похожими на Адриану Лима. Во-вторых, у них куча времени, чтобы все это на себя намазывать.

– Да ты так не нервничай, – Федор накрыл мою руку своей, – всегда что-нибудь можно придумать.

– А что тут думать? – Я нервно передернула плечами. – Мне придется устроиться на работу, только и всего. Прощай, привольная жизнь и постельные кофепития до полудня.

– Но ты ведь никогда толком не работала, – ухмыльнулся Федя, – куда же тебя возьмут?

Что-то в его тоне мне не понравилось. Он говорил со мною так, словно я была одной из прилизанных жен его друзей, вся из себя в Булгари, с вакуумом в голове и билетом в Париж в крокодиловой сумочке.

– У меня все-таки высшее образование. Почему не возьмут? Другие как-то устраиваются.

– Да какое там образование? – хмыкнул он. – Кому вообще нужен твой филфак. Как будто бы не понимаешь, зачем туда поступают.

– И зачем же? – холодно спросила я, окончательно расстроившись.

– Да просто потому, что жена, которая в оригинале декламирует Петрарку, ценится больше, чем жена, которая варит душевный гороховый суп. Даш, не обижайся, – он положил ладонь мне на загривок, как распахивавшейся кошке.

Наверное, будь я в него серьезно влюблена, я бы в тот момент заплакала. Но в глубине души я всегда понимала, что Федя – не судьба, а приятная оказия, просто веселый попутчик. Меня даже немного умилила его прямолинейность. И то, что он меня совсем не понимает, не видит, кто я, о чем мечтаю и чем живу. Не понимает, что мне никогда не стать одной из холеных хозяек большого города, которые вертят на пальце ключи от «Порше» и колют булавками нерасторопных маникюрш. И что наши отношения возможны лишь в рамках таких вот нерегулярных свиданий, напускной романтики, посиделок с красным вином, когда не ревнуешь за его отключенный телефон и когда сразу после секса привычно вызываешь такси.

– Ладно, не будем об этом. Я знаю два языка. Могу и секретарем пойти. Мне все равно, кем работать, карьера не интересует. Перекантоваться бы пару лет, а там... у меня есть мое мыло.

– Я к чему клоню... – он смущенно кашлянул, – тебе необязательно работать. Даша, ты же знаешь, что я прилично зарабатываю, хватит на двоих и даже на твою сестренку. Я мог бы тебе помочь.

Он смотрел на меня с бесхитростной надеждой, как лабрадор на закрытый холодильник. Предложение было соблазнительным. Я даже на минуту позволила себе представить, как это могло бы быть: я продолжаю варить мыло, порхать ночи напролет и валяться в постели до полудня, а Челси словно ластиком стирают из моей жизни. Вроде бы ее нет, а вроде бы я знаю, что все у нее прекрасно: она учится в платном лицее, ходит в кружок кройки и шитья и носит модные платья. И все это благодаря мне, вернее, моему мужчине. Все счастливы, шампанское льется рекой, занавес, титр «Happy end» на черном экране.

Только вот не получится так. Как только я позволю себе принять его помощь, его деньги, его самцовое первенство, как моя свобода полетит в тартарары. Сначала мне презентуют серги Каррера и Каррера, потом вывезут попасться на экологически чистых альпийских лугах, а там уже и до «Айсберга» в караоке рукой подать. И наверняка он попросит меня переехать к нему. И наверняка вскоре скажет, что мои друзья – инфантильные лузеры, на которых стыдно тратить время.

– Ты могла бы переехать ко мне, – Федя оказался еще более расторопным, чем я могла представить, – в конце концов, мы встречаемся четыре месяца, и оба уже не дети...

– Хочешь сказать, пора остепениться? – подмигнула я. Меня разбирал смех.

– А что в этом плохого? Ты ведь не хочешь уподобиться твоим друзьям. Эта твоя Лика... Она же алкоголичка.

– Она известная художница и, между прочим, зарабатывает больше тебя, – обиделась я за приятельницу.

– Что с того, если она в сорок лет ведет себя как девочка.

– Буддисты сказали бы, что она мудрая. Сумела сохранить внутреннего ребенка.

– Или Танечка... Когда она сказала, что работает натурщицей, я чуть со стула не упал. Как можно позировать голой в тридцать пять лет. Нищим художникам в сомнительном подвале! – Он искренне негодовал.

– Федь, ты утрируешь. Таня – актриса, а натурщицей работала всего дважды. У нее тогда был простой, и срочно нужны были деньги. А сейчас она снимается в сериале...

– Ну все равно, это все как-то неправильно, – упрямо нахмурился мой любовник.

Наверное, если бы вышеприведенный разговор состоялся в другом месте и в другое время, мы бы поссорились и даже расстались бы навсегда. К счастью, у меня был беспроблемный козырь, с помощью которого я и свела на нет опасный разговор.

– Федь, смотри, три финалистки вышли уже! Ты за кого будешь болеть?

Он мгновенно переключил внимание на сцену.

По внешности финалисток сразу было понятно, что конкурс – обманка, оплаченное мероприятие. Титул давно куплен, корона давно отдана. Той самой эффектной рыжей с силиконовым тюнингом. Вместе с нею в финал вышли такие чудовища, что хотелось зажмуриться. Одна выглядела как крепыш из Бухенвальда – кожа да кости, тени под глазами, изможденное лицо вечной жертвы кефирной диеты. У другой была прыщавая спина. Настолько прыщавая, что это невозможно было скрыть даже толстым слоем грима. Казалось, ее прыщи лукаво подмигивают из-под тонального крема. Мне рассказывали, что это обычная практика. Они специально отбирают самых неприглядных статисток, чтобы девушка, за которую заплатили, смело королевствовала на их фоне. Чтобы ни у кого не оставалось сомнения, что победа честная.

– Конечно, за рыжую! – предсказуемо ответил он.

* * *

Я решила устроиться куратором в художественную галерею моей приятельницы Маргариты. «Галерея эксцентричного искусства» – так она называлась. А сама Маргарита была бабкой-ежкой с красными, как пионерский галстук, торчащими во все стороны волосами, желтым исполосованным глубокими морщинами лицом и тощими узловатыми ногами, которые она любила щедро оголить, да еще и принарядить в броские полосатые чулки. В середине девяностых Марго устраивала рейв-пати – она была настоящей московской принцессой вечеринок; не такой рафинированной прожигательницей жизни, как все эти современные ошивающиеся на «Крыше» блонди, а настоящей, живой, драйвовой, наэлектризованной. Примечательно, что на вырезанных из журналов «Птуч» и «Ом» фотографиях тех лет она была все той же морщинистой бабкой-ежкой, только волосы были зелеными, как парик Кикиморы из детского кино. Она носила виниловые комбинезоны и плотно сидела на героине. Честно говоря, я вообще не понимала, как такие склонные к увлеченному саморазрушению люди умудряются выживать. И не просто выживать, а процветать, вести успешный бизнес. Правда, я не знаю, можно ли считать серьезным взрослым бизнесом продажу таких предметов искусства, как свадебное платье, сшитое из использованных презервативов, или утыканный иголками стульчак для унитаза. Если честно, я плохо разбираюсь в концептуальном искусстве. Но за восемь лет в роли галеристки Маргарита купила двухкомнатную квартиру в центре, внедорожник «Тойота», объездила весь мир – наверное, это кое-что значит.

– Нет проблем, – пробасила Марго своим неподражаемым прокурным голосом. – Оклад сто долларов. Плюс десять процентов от выручки.

– Наверное, в целом получается неплохо, да? – приободрилась я. – У твоей галереи должен быть хороший оборот.

– Ну как сказать, – скривилась она. – Вообще-то Москва еще не доросла до концептуального искусства.. Но уверена, что это случится со дня на день. И я рада, что ты позвонила, Даша, мне и правда позарез нужен куратор.

Ее энтузиазм сразу показался подозрительным. Хорошую хлебную работу невозможно найти с такой легкостью. Такую работу отвоевывают, выцарапывают когтями, вцепляются в нее хваткой бультерьера и рвут на части соперников, смеющихся на нее посягнуть.

– Ну вот сколько картин вы продали в апреле? – на всякий случай поинтересовалась я.

– Вообще-то... Вообще-то апрель – так себе месяц для нас, галеристов. Застой.

- А в марте? – потухла я.
- Ну... – замялась Марго.
- Вы вообще хоть что-то продаете?
- Да, в ноябре у нас ушел объект, ношенные трусы Эминема! – горячо воскликнула она тоном вечного двоечника, который чудом знает ответ на экзаменаторский вопрос.
- Ношенные трусы Эминема? – удивилась я. – Это тоже считается концептуальным искусством?
- Конечно, – ответила она таким тоном, словно я спросила, является ли Моцарт композитором. – Это была выгодная сделка.
- Постой, а как ты вообще ухитрилась выкрасть ношенные трусы Эминема?
- Вообще-то это были трусы одного моего приятеля, – помявшись, призналась Маргарита. – Ашота. Он так, никто. Смазливый студентик. Я с ним одно время спала.
- То есть какой-то безумец выложил кучу денег за обоссанные трусы армянского раздолбая? – присвистнула я.
- Но в этом и состоит суть концептуального искусства, – чопорно объяснила Марго. – Это была мистификация. Тонкая насмешка над обществом, в котором обожествляются простые смертные... Так что ты не торопись с выводами, Даша... Ну как, пойдешь к нам куратором?
- Знаешь, я тебе, пожалуй, перезвоню, – уклончиво ответила я.

На других фронтах меня тоже подстерегали сплошные неудачи. Знакомым галеристам не нужны были кураторы. Художники не нуждались в импресарио. Редакторам журналов не хотелось видеть новых авторов со свежим взглядом. Обзванивая объявления «требуется референт», найденные в газете «Из рук в руки», я нарывалась на извращенцев, которые, вежливо спросив об опыте работы, тут же интересовались размером груди. В приступе отчаяния я даже позвонила в фирму, через которую искали натурщиц. Но выяснилось, что натурщицам платят гораздо меньше, чем моделям, а именно не больше двухсот рублей в час.

Среди моих многочисленных знакомых медлительной улиткой пополз слух о том, что Дарья Дронова ищет работу. И вот в какой-то из депрессивных вечеров, когда я медленно накачивалась вином, мрачно прикидывая, примут ли мое серебро в ломбард, после того как мы с Челси проедем бабушкины брильянты, мой телефон зазвонил, и по ту сторону трубки оказалась сама судьба. То есть о том, что это была судьба, я узнала намного позже, а в тот вечер всего лишь услышала довольно неприятный скрипучий голос, который брезгливо поинтересовался, можно ли услышать Дашу Дронову.

– Это я, – сообщила я без особенного энтузиазма.

– Меня зовут Инесса, – представился голос после затянувшейся паузы. Как будто бы эта незнакомая Инесса прикидывала, стоит ли иметь со мною дело, стоит ли вообще тратить несколько минут на разговор с такой, как я. – Ваш телефон мне дала... – она назвала имя одной из моих случайных приятельниц. – Она сказала, что вам работа нужна. И рекомендовала вас как человека ответственного и цепкого.

Я удивилась. С приятельницей той я познакомилась в «Петровиче», обменялись от силы десятком реплик, и общение наше сводилось в основном к тому, что, попрыгав на танцполе под «Синий-синий иней», мы вместе проталкивались к бару за очередным коктейлем. Не знаю, с чего она взяла, что я ответственная и цепкая, хотя, возможно, в тот вечер мы вместе покинули клуб и она видела, как ответственно цепляюсь я за сгущившихся на Мясницкой таксистов, пытаюсь снизить цену до ста рублей.

– Ну... Наверное, так оно и есть, – на всякий случай ответила я.

– В таком случае, возможно, вы мне и подойдете. Мне менеджер нужен. Менеджер по продажам.

– Менеджер? – с сомнением переспросила я.

А сама подумала: ну вот, опять обманка, а ведь как загадочно все начиналось. Ну какой из меня менеджер, тем более по продажам. От одного слова «менеджер» веет накрахмаленными до хруста воротничками рубашек, отбеленной улыбкой, очками с фальшивыми стеклами, которые носят для солидности, льдинками в глазах.

– Я – генеральный директор представительства американской компании Luxis, – важно сказала Инесса. – В Америке у нашей фирмы уже есть определенный авторитет, а вот на российский рынок мы вышли недавно. И нам требуются талантливые молодые люди, которые будут продвигать бренд.

– Мне тридцать четыре года, – на всякий случай сообщила я, – и я не уверена, что смогла бы...

– Оплата сдельная, – невозмутимо продолжила Инесса, – иными словами, вы получаете процент от проданного. Наши лучшие менеджеры в иные месяцы имеют и по пять тысяч долларов.

– Сколько? – Я нервно сглотнула.

Пять тысяч долларов. Выкинув из жизни несколько месяцев, можно было бы скопить на репетиторов для безмозглой Челси. И, возможно, даже снять ей отдельную квартиру – пусть прокуривает чужие диваны; пусть чужие барабанные перепонки вибрируют в такт ее дьявольскому панк-року.

– Что ж, пожалуй, это интересно... Правда, как раз сейчас я рассматриваю несколько заманчивых предложений, – я неумело попыталась набить себе цену.

– Жду вас в понедельник у себя в офисе, – отрезала Инесса. – В одиннадцать часов утра. И если вы опоздаете хоть на две минуты, собеседование не состоится. Записывайте адрес!

* * *

И вот проснувшись практически с первыми лучами солнца (а именно в девять вместо привычных одиннадцати), я отгладила белую рубашку мужского покроя, которая в сочетании с черной прямой юбкой ниже колена смотрелась одновременно сексуально и сдержанно, вдела в уши простые, но изящные «гвоздики» из речного жемчуга, подрумянила щеки и увлажнила глаза специальными каплями, которые скрыли красные прожилки привыкшего к вампирскому распорядку дня человека.

Я примчалась на Сретенку на полчаса раньше оговоренного времени и вынуждена была нервно вышагивать круги вокруг симпатичного отреставрированного особнячка, в котором располагался офис загадочной конторы Luxis. Я ничего, ровным счетом ничего не знала о фирме, в которую направлялась. Не знала о работе, которую, возможно, мне придется выполнять. Не знала, почему меня порекомендовали нанимателям. Но почему-то все равно нервничала.

За полторы минуты до часа X я уже бодро барабанила в дверь, украшенную золоченой табличкой.

Инесса оказалась совсем не такой, какой я ее от скуки себе придумала – почему-то мне представлялась холодная леди с акульим взглядом и забранными в высокую прическу платиновыми волосами, офисный биоробот, в которого заложена безупречная программа пожирания конкурентов. Такой был ее голос – требовательный, с едва уловимыми капризными нотками.

В реальности она оказалась неаккуратной стареющей теткой, чьи пегие давно не мытые волосы, желтые от никотина пальцы, неряшливое, плохо сидящее шерстяное платье, изгрызенные варикозом ноги и мутноватый рыбий взгляд никак не таили за собой офисного видеоряда – скорее ее можно было представить продающей беляши на Казанском вокзале. У нее были

штопаные чулки. Заусенцы – видимо, к своим в лучшем случае пятидесяти она так и не избавилась от детской привычки грызть ногти, нервничая. У нее были маленькие глаза, картофелевидной формы нос с крупными нечистыми порами, бесформенная стрижка. Честно говоря, сперва я приняла ее за уборщицу. Но нет – она оказалась единовластной хозяйкой роскошного офиса, обладательницей свежотремонтированного кабинета с невероятным деревянным столом, декорированным кожей какого-то тропического гада, белокаменным камином, огромной плазменной панелью и шкурой зебры на светлом паркете.

И я ей не понравилась. Я это сразу поняла. Едва на меня взглянув, она разочарованно усмехнулась. У нее был странный взгляд – цепкий, беспардонный, сканирующий, в прицеле которого чувствуешь себя раздетой.

– Что ж, это не то, что я ожидала, – протянула она, словно я была не живым человеком, а заказанной по телефону пиццей. – Но можно попробовать. Пройдем в мой кабинет, задам тебе парочку вопросов.

Закурив вонючую сигариллу, она выпустила густое облако дыма мне в лицо. Потрясающая женщина, эталон хороших манер. Подавив желание сбежать, я все-таки проследовала за ней – все же мой телефон не атаковали надеющиеся работодатели, мой мужчина не торопился адекватно отреагировать на ситуацию, а в моей квартире жила отвратительная вечно голодная панкушка, которая к тому же являлась моей единокровной сестрой.

И вот она уселась за свой шикарный стол, не стесняясь меня, налила в чайную чашку коньяк из заначенной в верхнем ящике бутылки, зажгла новую сигариллу от почти докуренной и рассеянно глядя в окно, принялась заунывно рассказывать о том, что компания Luxis производит мечту, концентрат счастья, ну и так далее; сколько раз впоследствии мне самой приходилось озвучивать тот же текст! Почти четверть часа она ходила вокруг да около, и я уже подумала, что в этом офисе находится потайная химическая лаборатория по производству экстази нового поколения, как вдруг мне в лицо полетел предмет.

То есть сейчас-то я знаю, что это был грудной имплантат, а тогда мне показалось, что в качестве финальной стадии унижения нерадивого соискателя у этой кошмарной женщины принято запускать водяную бомбочку в лоб оному. Я ловко пригнулась, и силиконовый мешочек, ударившись от двери, плюхнулся на пол.

– Похвальная реакция, – умилилась Инесса. – Впрочем, это моя вина. Я должна была предупредить. А ведь, между прочим, это то, что ты будешь продавать. Если, конечно, здесь останешься.

– Что это такое? – все еще недоумевала я.

– Это то, что по сути является женским счастьем. То, чего нет у меня, – прищурилась она, – зато есть у нашего лучшего менеджера Алены. – Нажав на кнопку интеркома, она гаркнула: «Алена, срочно в мой кабинет!»

Пока загадочная обладательница «того, что по сути является женским счастьем» добиралась до начальственного кабинета, Инесса продолжала производить на меня впечатление бытовой философией:

– Их тысячи, нет, миллионы, – покачала пегой головой она, – твоих потенциальных клиентов. Они ходят по улицам, понуро плетутся в метро после рабочего дня, покупают кружевное нижнее белье специально для свидания с безнадежно женатым Иван Ивановичем из соседнего отдела, постоянно худеют, но не в состоянии отказаться от шоколада, знакомятся по Интернету, иногда напиваются в баре, иногда плачутся подругам, иногда что-то у них внутри ломается, и они вдруг срываются в какой-нибудь индийский ашрам или начинают истово заниматься конным спортом... Это одиночки, такие же, как ты.

– С чего ты взяла, что я одинока? – Я решила не церемониться и тоже перейти на «ты», раз уж в этом странном офисе такие порядки.

Инессе это, кажется, понравилось. Во всяком случае, впервые за все это время она изобразила некий мимический потуг, подобие улыбки.

– А ты не такая овца, какой кажешься с первого взгляда... Неважно, почему я так решила, лучше скажи, что я права. Может быть, у тебя кто-то и есть, но точно ничего серьезного. У меня на это дело нюх.

Моей возможной возмущенной отповеди (хотя стала бы я ей возражать?) помешало появление девицы, которую мне представили как Алену и которая больше всего походила не на менеджера, тем более лучшего, а на среднестатистическую американскую порнозвезду. Из тех, кто пользуется спросом у любителей классики жанра, но звезд с неба не хватает по причине почти саркастической предсказуемости экстерьера. Длинные вытравленные добела волосы, похоже наращенные. Вблизи выглядят жесткими и нездоровыми, но где-нибудь у шеста в плохо освещенном стрип-клубе будут смотреться на пять с плюсом. Простота широкого русского личика с голубыми пуговицами глуповатых глаз и вздернутым широким носом скрыта толщей оранжевого искусственного загара. Точеная фигурка с непропорционально большой грудью, будто бы школьница напихала в мамин лифчик поролоновой стружки, и теперь выглядит не как тайная мечта физрука, а как мультипликационная невеста кролика Роджера.

– Алена – ведущий менеджер Luxis, – гордо представила свою подчиненную Инесса. – Работает с самого начала. У девчонки хватка бультерьера и амбиции Хиллари Клинтон. Уверена, что она еще всех нас тут сделает.

Та, что легко могла бы стать королевой сайтов XXX, польщенно заулыбалась.

– А это...

– Даша, – подсказала я.

– Ну да, ну да, – Инесса небрежно махнула рукой в мою сторону. – Тоже хочет у нас работать. Вот хочу ее с нашей продукцией познакомить. Ты, Ален, не против?

– Я горжусь тем, что работаю на Luxis! – заученно и совершенно не к месту произнесла порнозвезда.

И принялась расстегивать блузку. Нет, правда.

Она *раздевалась*.

Для полноты картины не хватало крутящегося зеркального шара на потолке и «Leave your head on» в динамиках. Я вжалась в спинку кресла, Инесса же вела себя так, словно ничего особенного не происходит – видимо, стриптиз считался в этом офисе чем-то будничным. Наконец, Алена, закинув руки за спину, расстегнула бюстгальтер и гордо повернулась ко мне. Может быть, сначала я и пыталась из вежливости и необъяснимого чувства брезгливости отвести взгляд, но... черт, я никогда в жизни не видела такой огромной груди. Бахчевые дыни. Воздушные шары. Глобусы. Баскетбольные мячи. Да Анфиса Чехова смотрелась бы рядом с нею подростком!

– Что, нравлюсь? – томно улыбнулась Алена. – Не завидуй, можешь заполучить такие же. Наша фирма делает скидку сотрудникам.

– Так вы...

– Продаем силиконовые имплантаты, – продолжила за меня Инесса. – Алена, спасибо, можешь идти. У тебя ведь сегодня переговоры с Первым медицинским?

– Так точно. – «Лучший менеджер» проворно упрятала глобусы обратно в бюстгальтер и, перед тем как выпорхнуть из кабинета, зачем-то объяснила, обращаясь уже ко мне: – Собираюсь договориться о факультативных лекциях для будущих пластических хирургов.

– Алена – звезда, – на полном серьезе заявила Инесса, прихлебывая из чашки коньяк. – В прошлом месяце у нее было восемнадцать продаж. Это потрясающий результат... Как ты уже поняла, наша фирма – будущий лидер. В Америке имплантаты Luxis давно вытеснили конкурентов: МакГан, Евросиликон, Ментор и других. Все дело в нашей секретной технологии. Оболочка производится в лабораториях NASA. Благодаря десятилетним опытам найдена

наконец идеальная вязкость наполнителя. Грудь с имплантатами Luxis невозможно отличить от натуральной. И в то же время они такие прочные, что не рвутся даже под гусеницей танка.

Я поморщилась.

– Неужели и такие опыты проводились?

– А как же! Недавно одна из наших американских клиенток погибла в авиакатастрофе. Патологоанатом осматривал тело. И знаешь что? – Она хитро подмигнула. – Там живого места не было, ни одной целой косточки. Кроме наших имплантатов.

– Звучит оптимистично, – хмыкнула я.

– Вот именно! – не распознав сарказма, горячо воскликнула Инесса. – Я даже хотела использовать эту информацию в рекламном ролике. Но американский совет директоров был против. Они сказали, медицинская реклама и цинизм – несовместимые понятия. Так вот, о чем я? Наше лидерство – вопрос времени. И все-таки... Нам не хватает рекламы. Бюджета на это нет, в России популярны другие марки, они просто не выпустят нас на рынок. Приходится идти на хитрости. Работать с клиентами направленно. Этим ты и будешь заниматься.

– Рекламирывать имплантаты?

– Ну да. Устраивать презентации для пластических хирургов, ходить по кризисным центрам в поисках клиенток...

– А почему именно по кризисным центрам? – нахмурилась я.

– Самое хлебное для нас место, – невозмутимо объяснила Инесса. – Туда приходят женщины в стрессе. В растерянности. На перепутье. А мы показываем им правильную дорогу.

– И что потом?

– Ты в курсе, что начинаешь меня раздражать? – Она залпом допила коньяк и налила новую порцию. – Что потом, спрашиваешь? Потом ты за ручку ведешь этих дур к хирургу, они объясняют, что хотели бы увеличить грудь именно имплантатами Luxis, ты держишь ушки на макушке, чтобы ушлый хирург не убедил их, что МакГан лучше. А потом они ложатся под нож, и вы расстаетесь, довольные. И у нее начинается новая жизнь, а у тебя появляются законно заработанные бабки. Так что схема проста.

– А ты уверена? – усмехнулась я.

– В чем?

– Что у них и правда начинается новая жизнь.

– В принципе да, – помолчав, ответила Инесса. – Большие сиськи – это в современном мире все равно что приносящий удачу амулет. Кстати, сама-то ты не хочешь попробовать?

Я инстинктивно скрестила руки на груди. Никогда не думала о своем теле, как о конструкторе Лего, хотя объективно во мне наверняка есть что улучшить. Но тогда это буду уже немножечко не я. Наверное. А грудью своей, пусть небольшой, я гордилась – в мои тридцать четыре она оставалась девичьей, нежной, упругой.

– Ну ладно, ладно, никто тебя насильно не заставляет. Хотя большая грудь менеджера способствует продажам, если положиться на опыт Алены. Ну что, пойдешь к нам работать?

– Значит, я вам подхожу? – будто бы даже удивилась я.

– Можно попробовать, – прищурилась Инесса. – Конечно, ты мямля, рохля и неженка. Но попробовать всегда можно. К тому же нам позарез нужен менеджер, а тебе, судя по всему, позарез нужна работа. Раз ты не убежала еще на той стадии разговора, когда я швырнула в тебя имплантат.

– В наблюдательности тебе не откажешь, – растерянно улыбнулась я. – Все это, мягко говоря, неожиданно. А ты не хочешь поинтересоваться моим образованием, опытом работы и так далее? О чем там обычно спрашивают на собеседованиях?

– Полная чушь. Предпочитаю доверять интуиции. В общем, так. Коллектив у меня небольшой. Я, секретарша и два менеджера, ты будешь третьей. И прямо сейчас у тебя есть уникальная возможность отправиться на выезд с нашим вторым менеджером Денисом. У них

с Аленой идет вечная борьба за пальму первенства, так что он тоже та еще пиранья. Тебе будет полезно понаблюдать, как он работает. Заодно и определишься, подходит тебе все это или нет. А вечером дашь ответ.

* * *

Если Алена была похожа на порностарлетку, то ее конкурент Денис напоминал комсомольского активиста в самом худшем значении этого слова. Розовощекое гладкое лицо, синтетический костюмчик с неожиданно ярким зеленым галстуком, стоптанные, зато до блеска начищенные ботинки, змеиные губы искривлены в улыбке, но глаза остаются внимательными и серьезными. К нему удивительно подходило неформальное определение «хлыщ». В кино подобным типчикам обычно достаются роли злодеев самого отвратительного образца – тех, чьим главным оружием являются лесть и подхалимаж.

– Значит, эта красавица и есть наш новый менеджер! – Он придвинулся так плотно, что я была вынуждена отступить на шаг, и почему-то это его развеселило. – Какие мы нежные и сложные! Люблю сложных женщин.

– Очень за тебя рада. Меня зовут Даша, и я поеду с тобой, чтобы определиться, нужна ли мне эта работа. Но еще пять минут в твоей компании, и можно будет никуда не ехать.

– Мы зубастые, да? – Он ухитрился ущипнуть меня за складку на талии, меня передернуло от отвращения, даже не потому, что не люблю флиговых мужчин, а из-за самого этого Дениса. Пожалуй, за всю жизнь я не встречала более мерзкого создания.

– Ну ладно, извини, извини, – он примирительно поднял вверх ладони. – Дружба, о'кей? Между прочим, тебе крупно повезло. У меня наклеивается одна сделка. В общем, сразу две бабы, подружки, хотят сделать себе грудь. Я познакомился с ними в кафе, позавчера. Почувствовал, что они – мой контингент и подошел. Со временем и у тебя разовьется шестое чувство. И вот сейчас поеду их дожимать, а ты со мной. Одна встреча – и две сделки! Такое редко случается, – дохнув на меня ментоловым ароматом жвачки, он развернулся на каблуках и удалился, насвистывая кантри-мотив.

* * *

Я ничего не знала о том, что мне придется продавать.

Только слухи, домыслы и легкое недоумение по отношению к тем, кто вот так зачем-то рискует.

Одна моя знакомая, Алла, сделала операцию по увеличению груди, но это скорее грустная история.

Она была не из тех зацикленных на зеркальном отражении тупиц, которых может вывести из равновесия не вовремя вскочивший прыщик. Состоявшаяся особа, young urban professional, высокооплачиваемый логист с кембриджским дипломом, мама очаровательных близняшек, интеллектуалка, меломанка, коллекционер антикварных карт, знаток хороших вин и победительница полупрофессиональных конкурсов аргентинского танго, она однажды подхватила вирус безумия, который в наше время легко передается журнально-глянцевым путем. Один Бог знает, что она там себе напридумывала. То ли однажды ночью проснулась от стука собственного сердца, которое вдруг с удвоенной силой принялось гонять кровь по ничего не подозревающему организму, и эта ядовитая кровь атаковала мозг приступом необоснованной паники. А вдруг случится так, подумала умница-красавица Алла, что однажды она проснется никому не нужной? Что в один прекрасный день этот сумасшедший мир отвергнет ее, спешет на склад невостребованных товаров, поставит на ней невидимый росчерк. В сущности, странно, что этого не произошло до сих пор, что она умудряется каким-то образом барахтаться

на плаву – и это странно, когда вокруг столько глянцевого холеного хищника в два раза моложе и в сотни раз проворнее ее. Всем известно, Москва – город нагло выпячиваемой красоты. Куда ни посмотри – она везде, на любой вкус. И глянцевая, типичная, растиражированная, и рангом пониже – подражательная, и настоящая, эксклюзивная. Тысячи пар длинных крепких точеных ног чеканно выхаживают по Тверской, хорошенькие мордашки улыбаются из окон троллейбусов, молодые задорные груди в такт ходьбе подпрыгивают под модными футболками.

К тому же Алла была одинока – вот уже почти десять лет. Неплохой стаж, если бы за одиночество давали пенсию. Нет, конечно, любовники у нее случались. Некоторые из них даже порой внушали какие-то надежды, но каждый раз что-то не складывалось, такая уж судьба.

И вот в свои тридцать восемь Алла решила, что раз мужчины реализуют кризис среднего возраста покупкой кабриолетов и беспорядочными связями с длинноногими старшекласниками, то она поступит практичнее и подарит себе новую грудь.

Сказано – сделано. Алла деловито прошерстила Интернет, выбрала двух наиболее симпатичных ей врачей, записалась на консультации. Один доктор был похож на Чеширского кота и сразу ей не понравился. С шулерским прищуром он метал на стол грудные имплантаты разных размеров и форм – не угодно ли силиконовые, гелевые или солевые, что желает мадам – круглые или анатомические, низкий или высокий профиль, где будем делать разрез – в подгрудной складке, в подмышке или по ареолу соска? Кот Базилио в белом халате, да еще и клиника его располагалась в каких-то катакомбах, чуть ли не в Южном Бутово. Аллу растили как тепличную орхидею, она искренне считала, что приличным девушкам нечего делать за пределами Садового кольца, а уж Южное Бутово – это что-то вроде декораций компьютерной игры «Сталкер». В общем, сбежала она оттуда, роняя туфельки Вичини и мелко крестясь.

Второй врач понравился ей больше – солидный, пожилой, красивый, но без пошлых метросексуальных ноток, с густыми седыми волосами – он внимательно рассматривал ее из-за дорогих очков в роговой оправе. Рассматривал как женщину, как красивую женщину, а не как мясо, на котором можно заработать. Они быстро договорились – врач сам выбрал способ операции. Он сказал, что у нее мало тканей, поэтому имплантат придется устанавливать не под грудную железу, а под мышцу – будет больно, будет долго заживать, но зато результат превзойдет все ожидания. Алла сдала все анализы, и через неделю улыбаясь медсестра, похожая на знаменитую актрису Шарон Стоун (она заговорщицки шепнула, что нос, скулы и губы – работа того самого врача), делала ей успокоительный укол. Алла чувствовала себя как в Новый год – волнение, адреналин, ожидание чуда, наивная надежда начать все с чистого листа. Операция прошла легко, через несколько часов она очнулась в палате – на грудь словно положили огромный, поросший прохладным мхом булыжник. Клон Шарон Стоун принес свежий клубничный сок, напоил ее через соломинку и объяснил, что боли подобного рода – это норма. Алла успокоилась, приняла три таблетки анальгина, откинулась на подушки и в коконе сиропной дремоты принялась мечтать о том, как теперь изменится ее жизнь.

Швы снимали через неделю. Она пришла на прием встревоженной – ей совсем не нравилось, как выглядела ее новая грудь. Она мечтала о естественных мягких округлостях, а вместо этого получила два упругих мячика, которые будто бы забрали у куклы для сексуальных утех и пришили к ее телу. Врача это не смутило.

– Все супер, – улыбнулся он. – Так всегда бывает через неделю после операции. Я ведь предупреждал о восстановительном периоде. Скоро сойдет отек, а потом грудь немного опустится и будет выглядеть так, словно ее подарила сама природа.

У Аллы был спокойный характер воина, она поверила и принялась ждать. Прошел месяц, другой, третий, четвертый. Отек действительно сошел, и выяснилось, что одна грудь большая и задорно смотрит вверх, а вторая – чуть поменьше и подозрительно косится в сторону. Почмокав мясистыми губами, врач сокрушенно покачал головой: придется переделывать. Да, такое иногда случается. Никакой медицинской ошибки не было, просто вот так отреагировал ее орга-

низм. Ну ничего, как говорится, дважды снаряд в одну и ту же яму не попадет, поэтому надо срочно готовиться к повторной операции.

И Алла взяла на работе очередной внеурочный отпуск. В прошлый раз она врала об умершей во Франции родственнице, в этот – что-то без вдохновения наплела о лечении на Минеральных Водах. Кадровичка, цинично цыкнув фарфоровым зубом, подмигнула: все с вами, мол, понятно. На форумах о пластической хирургии большинство прооперированных писало, что ни коллеги, ни друзья даже не заметили новой груди. Однако в Аллином офисе новость мгновенно разлетелась по сарафанному радио, да еще и обросла подробностями. Кто-то над ней подшучивал, кто-то пытался делать вид, что ничего не происходит, но тем не менее все время возвращался взглядом к ее декольте, кто-то, когда Алла входила в комнату, начинал ни с того ни с сего презрительно рассуждать о силиконовых куклах, которые, естественно, не выдерживают никакой конкуренции с нормальными живыми женщинами. Слушать это было обидно, и Алла часто выходила в курилку всплакнуть.

Вторая операция показалась ей более легкой – на этот раз боль была привычной и совсем не адской, и на второй день она села за руль, а на пятый – вышла на работу.

Прошел месяц, второй, третий, четвертый. Алла сходила с ума и лезла на стенку – она всегда считала себя горячей и страстной, а тут... Восемь месяцев без секса, а ведь она живая, здоровая, красивая. Дошло до того, что она возбуждалась от занятий на велотренажере. Пришлось сыграть в эмансипированную вамп и заказать по Интернету вибратор – он был красивый, блестящий, почему-то глянцево-зеленый, но воспользоваться им она так и не решилась. В последний момент ее разобрал смех. Раньше такие проблемы решались просто, бесхитростно и в бешеном ритме города: она шла в ближайший приличный бар, устраивалась у стойки, заказывала ром-колу и краем глаза рассматривала окрестных мужчин. И среди них почти стопроцентно находился тот, чей взгляд запускал в ее организме священные химические реакции.

Но на этот раз она не могла так поступить. Алла впервые стеснялась своего тела, стеснялась, как угловатая девочка-подросток с прыщавой спиной. Ее грудь. Она выглядела ужасно. На этот раз обе груди были одного размера – ура, это победа! – но один имплантат почему-то все время съезжал куда-то в подмышку. Ей приходилось носить утягивающее компрессионное белье, и это было ужасно.

Когда Алла поняла, что чуда ждать бесполезно, она наняла дорогого адвоката и вместе с ним отправилась в офис любезного седовласого врача. А там ее ждал сюрприз – помещение клиники занимал теперь магазин игрушек. В витрине одиноко стояла увеличенная копия Барби, глупо улыбающаяся, пластмассовая, дурацкая, такая же, как сама Алла. Она села на тротуар и заплакала, и юрист отпаивал ее новопасситом и коньяком.

Конечно, она нашла другого врача. Светило. Самые высокие цены в городе. Очередь на три месяца вперед. Он едва взглянул на ее грудь, сразу начал так кричать. Ругал ее за безответственность. Назвал ее врача бездарным мясником. Довел до слез. Сказал, что работа настолько топорная, а фактура – настолько сложная, что он не может взяться за переделку – только испортит себе репутацию. У Аллы впервые в жизни случилась истерика. Она вцепилась в кожаный диван и заявила, что никуда из клиники не уйдет, пока ее не прооперируют, и что она согласна заплатить двойную цену и подписать любые бумаги об отсутствии претензий.

Он, конечно, сжалился, сдался, он вообще не выносил женских слез.

Операцию назначили на тот же вечер.

На этот раз Алла не обольщалась. Ей казалось, что она больше никогда не сможет поверить в хорошее. Или вообще кому-нибудь поверить, в особенности мужчине с замашками Джеймса Бонда. Она даже не смотрела в зеркало до первой перевязки – то ли хотела отсрочить естественную истерику, то ли просто боялась сглазить. Зря, кстати, боялась – даже через неделю после операции, отекая и в синяках, грудь выглядела вполне соблазнительно. Она

недоверчиво улыбнулась врачу и полезла за кошельком, хотелось озолотить его, отдать последнюю. Но тот хмуро покачал головой:

– Подождите благодарить, еще ничего не видно.

– Но меня уже все устраивает! – веселилась Алла. – А ведь еще не сошел отек.

– Вот это меня и пугает. У вас и так был дефицит тканей, а еще так искромсали...

Словно сглазил.

Прошел месяц, другой, третий, четвертый...

Ее новая грудь была красивой – большой, приятной формы, с аппетитно торчащими сосками, только вот стоило Алле наклониться, как на ней проявлялись какие-то волны, бугры и впадины. Такое осложнение называется контрактура, сказал врач. Можно подождать годик и попробовать переделать.

Скупно попрощавшись, Алла навсегда покинула клинику.

Да, она была не из породы лузеров, депрессирующих невротиков или склонных к болезненной рефлексии самоубийц. Она научилась с этим жить, постепенно пришла в себя, на работе эта история забылась, у нее начали появляться новые мужчины.

Только вот с тех пор она всегда занималась любовью, не снимая бюстгалтера.

* * *

Обрадовалась ли я новой работе?

Нет.

Понравился мне коллектив?

Нет, нет и еще раз нет.

Захотелось ли чему-то научиться у хлыщеватого Дениса и словно только что спустившейся с шеста Алены? Всколыхнули ли они мои карьерные амбиции? Мечтала ли я в один прекрасный день стать похожей на них – уверенной в себе и в будущем, обеспеченной, беззастенчивой, нагловатой?

О боже, ну, конечно, нет!

Тогда почему я продолжала участвовать в этом цирке? Почему позволила Денису усадить меня в такси и там беспардонно нарушать мое личное пространство, дыша ментолом мне в лицо? Почему не убежала без оглядки, не забыла об этой странной компании, как о ночном кошмаре?

Ответ простой: безысходность. Моя безысходность красила волосы в цвет воронова крыла и приклеивала три ряда накладных ресниц. Она покупала дешевые презервативы и нарочно оставляла их на самом видном месте – видимо, чтобы я оценила степень ее искушенности и сексуальной зрелости. Она материлась как надзиратель колонии строгого режима и отказывалась мыть за собою чашки. «Не хочу портить ручки!» – так аргументировала она. Как будто бы у меня рук нет. Моя безысходность была вечно голодна: ее жадно трепещущие ноздри улавливали врывающийся в форточку аромат палаточной курицы-гриль и уютный запах домашнего борща, который варила по выходным соседка. Казалось, она даже сквозь эфирную толщу телеэкрана могла уловить божественное благоухание кухни Юлии Высоцкой. Она требовала, требовала, требовала. Маленькое жадное создание. Кровожадное. Наглость Челси с каждым днем матерела, наливалась цветом, полноводно разливалась, заполняя собою все мое бесхитрое пространство. С этим срочно надо было что-то делать – хоть что-нибудь. Устроить ее в какой-нибудь лицей, на курсы при МГУ, в спортивную секцию – хоть куда-нибудь, только чтобы часть ее негатива доставалась преподавателям и тренерам.

Поэтому выбирать мне не приходилось.

* * *

Они представились как Эльвира и Мальвина. Кокетливые имена шли им не больше, чем толща грима на усталых, заштрихованных морщинами лицах, крупная яркая бижутерия и цветастые платья в кружевах и рюшах. Постаревшие фарфоровые куклы. Пародия на женственность. Их возраст подбирался к пятидесяти, и они обе могли выглядеть намного моложе, если бы не пытались привлечь к себе внимание всеми этими броскими инфантильными деталями. У Эльвиры на плече был вытатуирован ангелочек с сиреневыми крыльями. Ногти Мальвины переливались разноцветными стразами. У обеих были наращенные волосы до ягодиц – у Эльвиры пшеничные, у Мальвины – темно-шоколадные.

Эльвира чем-то напоминала Донателлу Версаче, с той лишь разницей, что к услугам хозяйки модного дома были лучшие пластические хирурги мира, а она, московская стареющая business-woman, была вынуждена перебиваться подручными средствами – и в итоге с возрастом обзавелась нездоровой отечностью лица и варикозными венами. Что не мешало ей носить откровенное платье и вести себя так, словно минувших десятилетий и вовсе в ее жизни не было.

Мальвина держалась немного скромнее – по крайней мере ее платье, нежно-голубое, щедро украшенное блестками и пряжками, прикрывало колени; а ее растянутые в самодовольной улыбке губы были покрыты розовым блеском, а не ярко-малиновой, как у подруги, помадой. Видимо, Эльвира была в их паре признанным лидером с репутацией непобедимого сексуального агрессора.

Они ждали нас на летней веранде кофейни, радостно-возбужденные, привлекающие внимание прохожих неуместной возрасту яркостью и повадками кокетливых гимназисток.

– Это и есть твои выгодные клиентки? – удивленно спросила я Дениса, когда он издали помахал им рукой. – Они же не совсем в себе, разве ты не видишь?

– Все бабы не совсем в себе, – хмыкнул Денис. – Но эти мне нравятся больше других. Потому что на процент от их операции я смогу купить себе костюм Bgionì. А они уж почти решились. Дальше дело техники. Так что смотри, учись и не вздумай вмешиваться.

– Постой, а до какого возраста делают такие операции? Им же за полтинник! Разве умно добровольно ложиться под общий наркоз в таком возрасте?

– Я же сказал – не вздумай вмешиваться! – раздраженно перебил он. – И потом, сейчас наркоз мягкий, это тебе не кетаминовые сны. Посмотри на них, здоровые лошади.

Женщины немного приуныли, когда Денис представил им меня, они были из тех, кто не выносит даже негласного соперничества и исподтишка недолюбливает всех представительниц своего пола так, на всякий случай. Денис это заметил, его можно было назвать подлым, ушлым, мерзким, но никак не дураком. И я тотчас же была вынесена на задворки их разговора, словно перестала существовать. Денис подливал кофе то Мальвине, то Эльвире, забывая обо мне; нахваливая их платья, он обмолвился, что не помешало бы взять у прекрасных дам несколько уроков стиля, тогда я, возможно, не выглядела бы так скучно и пресно. Нехитрая тактика действовала, они расслабились и подобрали и даже позволили себе заказать по кусочку трюфельного торта (с оговоркой, что теперь их убьет фитнес-тренер).

Денис вел себя, как жиголо из Хургады – речь его изобиловала приторными пошлостями, время от времени он целовал их руки, при этом многозначительно глядя в глаза, и – клянусь! – в какой-то момент я заметила странное шевеление под скатертью – его ладонь пустилась в путешествие по их коленям. Я чувствовала себя не в своей тарелке – настроилась на переговоры, а попала в филиал стрип-клуба «Эгоистка», стадия соблазнения № 3: «У меня стоит на твой кошелек, детка». При этом потоки его заученных комплиментов были умело разбавлены микроскопическими дозами яда. Он говорил:

– А как сядет на тебя это платье после операции! Скоро времена, когда ты не могла позволить себе более глубокое декольте, останутся в прошлом!

Или:

– А в августе мы все вместе поедem на Клязму, у меня там дача. Ведь к августу вы обе станете женщинами моей мечты. Я стеснялся признаться раньше, но аппетитные женщины – моя слабость. Впрочем, так думает большинство мужчин.

Или даже:

– Плоской может быть только малолетка. Тогда это хотя бы выглядит трогательно, хотя и не в моем вкусе. У женщины после тридцати должны быть роскошные формы, – и тут же переходил на самую пошлую разновидность лести. – Вам ведь скоро исполнится тридцать, так?

«Почему они все это терпят? – молча недоумевала я. – Неужели он им и правда нравится? Или их степень отчаяния так глубока, что они готовы поверить эгоцентричному шовинисту с внешностью сыночка из ОСП-студии? Может быть, он владеет тибетскими техниками гипноза? Как иначе объяснить тот факт, что две самостоятельные взрослые женщины готовы выложить по две тысячи долларов за силиконовые имплантаты, чтобы в августе съездить на его паршивую клязменскую дачу? И это у них считается образцовыми переговорами? Лучший менеджер года?»

Третья чашка кофе подошла к концу, и Эльвира наконец решилась:

– Ладно. В конце концов, лучше пожалеть о том, что ты сделал, чем о том, чего не сделал, верно?

– Мудрое решение, – серьезно кивнул Денис.

– Мы готовы внести аванс.

– Это правильный выбор. Сейчас так много неудачных операций... И все из-за некачественных материалов. Сейчас мы подпишем контракт, потом я проконсультирую вас насчет хирурга, запишу вас на консультацию. А имплантаты доставим прямо в клинику. Вы никогда в жизни не пожалеете об этом решении. Закажем шампанского?

* * *

– Я лишилась девственности два года назад. Совершенно верно, мне было двенадцать. И не надо так на меня смотреть. Это было по любви. Он был нашим соседом. У него была татуировка: огнедышащий демон во всю спину. Он косил газон в саду, полураздетый, а я любила наблюдать. И вот однажды он заметил. И пригласил меня к себе.

– Надеюсь, ты понимаешь, что он был извращенец? Или по-прежнему питаешь иллюзии, что он влюбился, ведь ты «особенная»? – устало вздохнула я.

Первый рабочий день был не самым легким. Освободилась я к четырем, однако вымоталась так, словно отработала двое суток без сна. На моих глазах бездарный соблазнитель стареющих кокоток заработал почти тысячу долларов. Ему потребовалось полтора часа и несколько десятков заранее отрепетированных сальных шуточек. Мне бы за него порадоваться, коллега все-таки. Но чувствовала я себя так, словно выкупалась в выгребной яме. Противно. Скользко. Мерзко. У меня так не получится.

Вернулась домой, обнаружила, что все продукты уничтожены эгоистичным растущим организмом, почти не расстроилась, налила себе вина, обессиленно рухнула на кухонную табуретку. И вдруг *чудовище* решило поразвлечься с моими нервами и сыграть в королеву эпатажа. За ту неделю, что Челси прожила в моей квартире, нам едва удалось перекинуться несколькими десятками фраз. А тут вдруг ей вздумалось поведать мне о своем богатом сексуальном опыте.

– Боюсь, что ты ошибаешься, мудрая старшая сестра, – Челси издевательски ухмыльнулась. – Потом его посадили. О нет, не за соращение малолетних, даже не надейся. Он спер в

магазине электродрель. И вот он мне писал. Все эти два года. Писал, что у него такой горячей сучки сроду не было.

– Отвратительно. Ты даже не представляешь, насколько отвратительно выглядишь.

– По крайней мере, я не синий чулок, – она показала язык. – И не встречаюсь с прилизанными скучными типами.

– Федор не «прилизанный скучный тип», а преуспевающий бизнесмен, и многие находят его красивым, – вяло огрызнулась я.

– Даш, неужели ты умудрилась прожить на свете тридцать четыре года и не почувствовать разницу между «красивый» и «смазливый»? Нет, я серьезно. Неужели он и правда тебе нравится, или это все-таки от безысходности?

– Иди к черту.

– Значит, от безысходности, – вздохнула Челси. – Все равно ты его бросишь. Он тебе совсем не пара... А знаешь, почему я не ответила ни на одно письмо того соседа?

– И знать не желаю.

– Как раз потому, что понимала: у нас нет будущего. Ему было сорок, мне – двенадцать. А потом у меня была первая настоящая любовь, – она мечтательно улыбнулась. – А потом вторая настоящая. А потом третья еще более настоящее, чем первые две. А потом... Потом я переехала сюда, в этот скучный город, и сижу здесь одна, как сыч, чахну и вяну. Попутно наблюдая, как моя сестра растрчивает последние денечки молодости на какого-то козла.

– Во-первых, Москва не более скучный город, чем Майами, – то ли меня раздражала Челси во всех ее проявлениях, то ли во мне неожиданно проснулся патриот. – Во-вторых, тридцать четыре – это тебе не «последние денечки молодости», а как раз самое начало настоящей жизни. А в-третьих...

– Можешь не утруждать себя, – сестра демонстративно зевнула. – О том, что драгоценный дядя Федя не козел, я слышала уже тысячу раз.

* * *

Моя давняя приятельница Эмма большую часть жизни прозябала учительницей литературы в одной из окраинных московских школ. Все ее считали неудачницей, даже я. Не из-за возмутительной нищеты (Эмка честно жила на мизерную зарплату, штопала чулки и делала вид, что никто этого не замечает, питалась черт знает чем и в наше время потребительского разврата продолжала пользоваться польской пудрой за тридцать четыре рубля, похожей больше на штукатурку). Нет, я и сама умела довольствоваться малым, правда, об этом почти никто не догадывался. Эмма была из презираемой мною породы вечно недовольных трудолюбов. То есть всю себя без остатка она отдавала делу, которое ненавидела. Причем это была странная ненависть, горячая, острая и на грани мазохизма. Она могла часами рассказывать, как некто восьмиклассник Иванов путает Тургенева с Чеховым, но все равно считается первым парнем на деревне, потому что его отец – миллионер-банкир. А некто десятиклассница Козьявкина на уроках красит ногти в ядовито-малиновый цвет. И плевать она хотела на Достоевского с его болезненной рефлексией, потому что самое болезненное, что есть в ее собственной никчемной жизни, – это заусенцы.

– Эм, но почему ты продолжаешь это делать? – недоумевала я. – Ты вечно жалуешься на тупых учеников и их не менее тупых родителей? Давно могла бы уволиться и пойти каким-нибудь менеджером в какой-нибудь офис.

– Ты не понимаешь, – грустно вздыхала Эмма. – На самом деле я мечтала об этом с детства. Я поступила в педагогический не потому, что туда было проще поступить. А потому, что верила: я могу что-то изменить. Что-то дать людям. Помочь им понять самое важное. Научить их чувствовать. Сначала чувствами других людей, гениев: Пушкина, Маркеса, Толстого. А

потом нащупать собственное «я». Но я была идеалисткой. Выяснилось, что либо я бездарность, либо современных подростков не интересуют чувства. Если это, конечно, не чувство зависти к новой шубе подружки.

– Не думаю, что все дети такие. Может быть, тебе перейти в другую школу?

– Я меняла школу уже четыре раза. Но вот в чем беда. Есть гимназии и лицеи, куда берут не всех подряд, где ученики каждые два года должны сдать сложнейшие экзамены, чтобы завоевать право учиться дальше. Там и у учителей зарплаты другие. Но то ли мне не хватает напора, то ли способностей, то ли там все по блату. В общем, берут меня только в окраинные обычные школы, где в ожидании звонка дети под столом читают «Пентхаус», а меня за глаза называют Главной Мымрой Микрорайона.

Несколько лет назад все изменилось. Разочарованной Эмме улыбнулась удача, заточенная в откормленное к пятидесяти годам тело некоего предпринимателя по имени Борис Борисович, который однажды в дождь обратил внимание на уныло стоящую на автобусной остановке Эмму. Ее намокшее белое платье красиво прилипло к стройным ногам. Сама она в таком контексте о себе давно не думала, и мокрый подол был для нее скорее первопричиной насморка, чем возможным эротическим аксессуаром. Тем не менее она с радостью согласилась сесть в авто вежливого незнакомца, а потом уже скорее с удивлением приняла его приглашение как-нибудь встретиться и сходить в кино. Естественно, она не была идеалисткой-девственницей, время от времени у нее случались романы. Но, как правило, все происходило по-другому, более по-деловому, что ли. В последнее время Эмма пристрастилась к знакомствам по Интернету, чего немного стеснялась в глубине души. Она писала мужчинам, разместившим анкеты на сайте www.missinghearts.ru, с некоторыми встречалась, как правило, ничего при этом не чувствуя. Она, с пеной у рта рассказывавшая ученикам о книжных страстях и трагедиях, малодушно утешала себя тем, что в жизни все не совсем так, и ей под сорок, и у нее морщинки и варикоз. И куда ей мучиться и кусать от ревности подушки, ей бы пахнущего блинами и борщом спокойного семейного счастья, ну или хотя бы изредка выпадающих на ее долю приятных ужинов, которые заканчиваются вяловатым, но обязательным для гормонального баланса взрослой женщины сексом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.